

Город между Облаками

В небесах над Городом между Облаками прокатился оглушительный раскат грома. Вспышка молнии на мгновение залила Мастерскую Цицяо ослепительным, мертвенно-белым светом, выхватив из темноты десятки лиц.

Мастерская Цицяо была лавкой марионеток. Бесчисленные куклы, теснящиеся на полках и столах, в этом резком сполохе показались сонмом призраков.

— Да что ж за погода паскудная? — проворчал Ло Цяоцяо.

Он был карликом едва ли метр ростом. Ссутулившись над верстаком с напильником в руке, лавочник кропотливо «вытачивал» новую марионетку из тела лисьего демона. У его ног на пол сыпались ошмётки плоти и кровавые чешуйки кожи.

За окном бесновалась буря, а внутри неровно дрожало пламя свечи, навевая мысли о дурном предзнаменовании.

«Дурной знак».

Ло Цяоцяо передёрнуло. Все мастера марионеток были людьми суеверными, поэтому он невольно скосил глаза в сторону гроба.

В гробу лежал мужчина. То был редчайший огненный лис, которого поймали и превратили в послушную куклу сразу после того, как он принял человеческий облик, даже не успев научиться говорить. Демон был статным, высоким и мертвенно-бледным. На него надели подвенечное платье.

Одеяние сочетало в себе траурно-чёрный верх и багряный низ. Тёмный пояс туго стягивал узкую талию, на широких рукавах красовались вышитые утки-мандаринки, а на бледной шее поблескивал серебряный Замок Небесного Чиновника. У пояса болтался Мешочек потомства. Настоящая призрачная невеста — жуткое порождение демонической и загробной магии.

Черты лица марионетки казались невероятно утончёнными, но в этой красоте таилось нечто пугающее. Кукла лежала с открытыми глазами. Подобные изделия предназначались для утех и забав знатных господ, поэтому их веки никогда не смыкались, а при обработке тела мастера старались сохранить в кукле остатки жизненного тепла.

Ло Цяоцяо занимался этим ремеслом всю жизнь и, казалось бы, давно привык к мертвецам, но сейчас его не покидало ощущение надвигающейся беды.

Снова грохнуло. Город между Облаками редко видел дожди, и за тысячу лет своей жизни Ло Цяоцяо не помнил столь яростного ненастья. Будто само небо содрогалось в гневе.

В голове лавочника вдруг всплыла недавняя весть: погиб Бессмертный почтенный Юньцзи.

Среди четырёх великих грандмастеров праведных орденов Лу Юньцзи считался величайшим гением. В десять лет он поднялся на гору Великой Чистоты, в двадцать достиг стадии преобразования ци в дух, в двадцать пять обрёл стадию Возвращения к Пустоте, а к тридцати пяти годам полностью соблюдал воздержание от зерна и отрёкся от мирских страстей. Заклинатели тратят века на самосовершенствование, он же не прожил и сотни лет, когда отринул всякие чувства. Невероятный, пугающий талант. Один из четырёх великих грандмастеров Дао, он нёс стражу у Поглощающей Бездны. Безмятежный, лишённый желаний, свободный от пут кармы — гора Великой Чистоты почитала его как Бессмертного почтенного Юньцзи.

Ему пророчили вознесение в сонм богов в ближайшие пять веков. Если бы не то злосчастное происшествие... Впрочем, даже после этого его величие не померкло. За всю жизнь он не потерпел ни одного поражения, прошёл три великие битвы с демонами, истребив тысячи тварей. Бессмертный почтенный Юньцзи оставался главным кандидатом на обретение божественности.

Но люди так и не дождались его триумфа. Без видимых причин великий праведник внезапно погиб под ударами карающей небесной молнии. Говорили, в тот день гром гремел точно так же, как сегодня — раскаты разносились на пятьсот ли от горы Великой Чистоты. Угасла величайшая звезда поколения заклинателей. С его смертью, как шептались в народе, увяло и само учение Дао.

Ло Цяоцяо мотнул головой, отгоняя лишние мысли, и склонился над своей куклой. Лис действительно уродился редким красавцем с соблазнительными чертами лица, но он не имел ничего общего с величественным, холодным Бессмертным почтенным Юньцзи. Где коварный лисий угодник и где великий праведник? Сама мысль сопоставить их казалась кошунством.

— Тьфу ты, чертовщина какая-то, — пробормотал старик. Под пристальным взглядом застывших глаз его пробрал озноб. Говорят, кто часто ходит впотьмах, рано или поздно встретит призрака. За сотни лет практики Ло Цяоцяо впервые ощутил подлинный, липкий страх, словно он задолжал этой кукле собственную жизнь.

Раздался резкий, настойчивый стук в дверь снизу.

В этот час звук показался столь неуместным, что Ло Цяоцяо едва не выронил напильник.

— Лавочник Ло! — крикнули с улицы. — Открывай!

Вздрагнув, Ло Цяоцяо бросил быстрый взгляд на куклу. Изысканная марионетка смиренно лежала в гробу — бездушная, дорогая игрушка, неспособная даже пошевелиться.

Со скрипом притворив за собой дверь мастерской, старик поспешил вниз.

Стоило створке захлопнуться, как длинные ресницы лисьего демона дрогнули.

Сначала он медленно моргнул, затем его янтарные зрачки сдвинулись, оглядывая комнату.

Для искусно сделанной марионетки в этом не было бы ничего удивительного, но то, что произошло дальше, повергло бы Ло Цяоцяо в смертельный ужас, окажись он сейчас в комнате.

Бледные, тонкие пальцы вцепились в деревянный край гроба. С тихим шорохом лис принял полусидячее положение и качнул головой. В суставах раздался сухой, отчётливый треск.

Кукла ожила.

Чтобы сотворить подобную игрушку, мастер марионеток должен вырезать живое сердце, вскрыть меридианы и полностью перестроить течение внутренней энергии. При этом жертва обязана оставаться в сознании до самого конца — если пленник умрёт раньше срока, заготовка станет бесполезной. Подобные пытки были за гранью человеческого восприятия, и мало кто выдерживал их, не лишившись рассудка.

Новоиспечённый лис спустил ноги на пол. Чужое тело казалось непослушным и деревянным; сделав первый шаг, он покачнулся и едва не рухнул.

Кто бы мог подумать, что измученная лисья плоть станетместищем для уцелевшего духа великого праведника.

Настоящее имя Бессмертного почтенного Юньцзи при рождении было Су Цзюгуй. В мире заклинателей его знали исключительно как Лу Юньцзи, а его истинное имя было известно лишь одному человеку — его непутёвому ученику. Как и боялся старый кукольник, в теле изорванного пытками демона возродился тот самый великий мастер.

В момент его перерождения прежний владелец этого тела балансировал на грани жизни и смерти, цепляясь за призрачную нить бытия. Это и позволило душе Су Цзюгуя занять пустующий сосуд.

Его пробудил оглушительный грохот бури. Вспышки за окном слились в его сознании с воспоминаниями о недавней казни, заставив голову раскалываться от невыносимой боли.

Память о небесной каре обрывалась. Чужие воспоминания переплелись с его собственными, словно запутавшийся клубок нитей: в один миг он видел себя диким лисом, бегущим по заснеженным склонам гор, в другой — величественным старейшиной на вершине праведного ордена.

Су Цзюгуй замер, пытаясь прийти в себя. Времени разбираться в этой путанице не было. Он медленно обернулся и понял, что в комнате он далеко не один.

В полумраке вдоль стен тянулся длинный ряд «людей». Мужчины и женщины застыли в самых разных позах, словно путники, присевшие отдохнуть у дороги. На их лицах запечатлелись мгновения ушедшей жизни: одна женщина навек замерла, закрыв лицо руками в безмолвном плаче, маленький ребёнок застыл с жуткой, застывшей ухмылкой, статный юноша гордо расправил плечи, а седой старик держал в руках недошитую рубаху.

Спускаясь с верстака, Су Цзюгуй не удержал равновесие и задел коленом край стола.

Этот едва слышный стук мгновенно эхом отозвался в тишине комнаты.

Десятки стеклянных глазных яблок одновременно пришли в движение. Обитатели мастерской зашевелились, но не как отдельные существа, а как единый, жуткий организм, сокрытый во тьме. Их зрачки хаотично вращались, совершая полные обороты, словно у безумцев, пока наконец все до единого не устали на Су Цзюгую.

В этих мёртвых взглядах читался безмолвный вопрос.

«Кто ты такой?»

«Мы все — лишь марионетки. Почему же ты можешь двигаться?»

«Почему тебе дозволено жить, а нам — нет?»

Су Цзюгуй нахмурился. За долгие века на посту главы ордена ему ни разу не приходилось сталкиваться с подобным ремеслом — столь низкое и грязное колдовство никогда не привлекало его внимания. В мире полно жестокости, но мысль о том, что каждая из этих кукол когда-то была живым, чувствующим существом, вызывала отвращение. Ло Цяоцяо сгубил не один десяток душ. Сотни несчастных прошли через этот ад.

Борьба со злом всегда была долгом истинного праведника. Кто бы мог подумать, что даже после перерождения ему придётся вернуться к прежнему ремеслу.

Су Цзюгуй подошёл к ближайшей фигуре старика и коснулся его плеча. Ощущение оказалось неожиданным.

Тело было тёплым.

Он полагал, что перед ним мертвецы или ходячие мертвецы, оживлённые тёмной магией, но под его пальцами была мягкая, живая кожа.

Су Цзюгуй поднёс ладонь к лицу старика. Дыхание было едва заметным, но всё же тёплый воздух слабо коснулся пальцев.

Этот человек был жив.

Точно так же, как и прежний владелец тела лиса перед тем, как в него вселился дух заклинателя. Несчастных истязали до тех пор, пока они не оказывались на грани гибели, но умышленно удерживали их души в искалеченных телах. И всё ради того... чтобы они казались более «настоящими»?

Десятки взглядов наполнились невыразимой тоской. Пока теплится эта искра жизни, они не могут покинуть бранный мир и переродиться. Самые старые куклы томились в этой лавке уже больше трёх столетий.

Стоило Су Цзюгую коснуться плеча старика, как перед его мысленным взором пронеслись чужие воспоминания.

Мастерская Цицяо славилась во всём Городе между Облаками своими невероятными кукольными представлениями, а её хозяин, Ло Цяоцяо, купался в лучах славы.

Каждые первые и пятнадцатые сутки лунного цикла здесь давали представления. Любой, кому доводилось видеть выступления марионеток Ло Цяоцяо, в один голос твердил: куклы двигаются точь-в-точь как живые.

Толпа восхищалась мастерством мастера марионеток, его карманы ломились от золота, и никто не догадывался о страшной тайне закулисья. Возможно, кто-то из излишне любопытных зрителей и проникал за ширму, раскрывая правду. Но даже если они узнавали секрет «живых» марионеток — что с того? У каждого преступления есть свой виновник, и руки марал Ло Цяоцяо, а не почтенная публика. Зрителям нужно лишь зрелище. Если оно прекрасно, остальное не имеет значения.

Любители острых ощущений лишь перешёптывались между собой:

— Слыхал? В этой лавке куклы-то — из настоящей плоти!

— То-то я гляжу, двигаются как живые люди!

— Надо бы сходить ещё раз, вдруг замечу изъян.

Эти слухи лишь подогревали интерес толпы. Их плотоядные взгляды скользили по сцене, а шёпот разносился по залу: «Да, живая плоть куда лучше бездушного дерева...»

Сейчас все эти несчастные безмолвно молили Су Цзюгу о пощаде. Их взгляды кричали об одном — они жаждали долгожданного покоя.

Похоже, его собственная душа была призвана в это тело предсмертной яростью прежнего владельца. Настоящий лис погиб. Марионетка должна быть покорной игрушкой: плоть функционирует, но воля полностью сломлена. Однако смерть хозяина тела означала, что работа Ло Цяоцяо провалилась. Измученный демон, умирая в страшных муках, жаждал лишь одного — возмездия.

Осознав суть происходящего, Су Цзюгуй принял решение. Он занял чужое тело и был обязан отплатить за этот приют.

Для одного из четырёх великих грандмастеров какой-то мастер марионеток Ло Цяоцяо был не более чем надоедливый насекомым. На пике своего могущества Су Цзюгуй не боялся даже Королей демонов, так что расправиться с жалким лавочником для него не составило бы труда. Достаточно было одного движения руки.

Он бережно устроил тело старика у стены и слегка повёл пальцами.

Губы лиса приоткрылись. Стоило ему начать читать заклинание, как воздух в комнате сгустился, а пылинки замерли, подчинённые невидимой силе.

— Зрящий меня... — едва успел произнести он первые слова.

Но договорить фразу не удалось. Грудь пронзила дикая, раздирающая боль, словно раскалённый клинок вошёл глубоко в лёгкие. К горлу мгновенно подступил поток горячей крови.

Задыхаясь, он схватился за грудь. Кровь брызнула с губ, а кости заломило от невыносимой судороги. Ему пришлось опереться о деревянный борт гроба, чтобы не упасть на пол. Пальцы побелели от напряжения. Во рту стоял стойкий медный привкус — мощнейшее Заклинание Очищения едва не разнесло его собственное новое тело на куски.

Магия горы Великой Чистоты славилась сокрушительной силой: низшие демоны от одного этого слова рассыпались в прах. Су Цзюгуй помнил эти тексты наизусть, ведь он повторял их веками.

Но теперь он сам был демоном-лисом. Если бы он завершил заклятие, то мастерская действительно взлетела бы на воздух вместе с Ло Цяоцяо, но и от его нового лисьего тела не осталось бы даже мокрого места. Это было не просто саморазрушением — он погиб бы за секунду до своего врага.

Прикрыв глаза, Су Цзюгуй попытался прощупать каналы и пробудить хотя бы остатки демонической силы этого тела. Однако его ждало разочарование: внутри не было ровным счётом ничего.

Ни демонического ядра, ни капли духовной энергии. Все меридианы были безнадежно разорваны. Великие знания, обретенные им за тысячу лет, оказались абсолютно бесполезны в этом сосуде.

Ему пришлось признать горькую правду: великий Бессмертный почтенный Юньцзи, гордость и опора Горы Великой Чистоты, превратился в немощного, едва живого лисьего оборотня.

Раздался негромкий стук. Звук донёсся со стороны стеллажей позади него.

Су Цзюгуй, ещё не привыкший к слабости нового облика, резко обернулся, нащупав на верстаке Ло Цяоцяо острый резак. Без магии и защиты любая случайность могла стать для него роковой.

Он встретился взглядом с парой чистых, лишённых зрачков белых глаз. На фоне безжизненных кукол эта белизна выглядела пугающе ярко.

Перед ним стоял юноша. Его взор не был остекленевшим — в глазах светилась жизнь. Юноша удивлённо распахнул их, и на его лице отразилась... искренняя радость.

Чему он так радовался в этом жутком месте?

Неужели мастерство Ло Цяоцяо зашло так далеко?

— Братец! — негромко позвал его юноша.

У Су Цзюгуя перехватило дыхание. Живой. Перед ним стояла не кукла, а настоящий человек.

<http://bllate.org/book/18298/1755114>